

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л33

Серия «Фантастика: классика и современность»

Fritz Leiber

THE GREEN MILLENIUM
THE SILVER EGGHEADS
SHORT STORIES

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Лейбер, Фриц.
Л33 Серебряные яйцеглавы : [сборник : перевод с английско-
ского] / Фриц Лейбер. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 480 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-103451-1

Фриц Лейбер (1911–1989) — американский писатель, один из выдающихся представителей англоязычного «Золотого века» НФ, едва ли не единственный автор НФ и одновременно фэнтези из своего поколения. С первого же опубликованного рассказа Лейбер представил публике своих популярнейших героев — искателей приключений Фафхрда и Серого Мышелова, которым он посвятил шесть полных сборников и роман. Лейбер также заслужил репутацию мастера современной урбанистической литературы ужасов (рассказы «Дымный призрак», «Человек, который дружил с электричеством», «Девушка с голдными глазами» и другие). И конечно, не обошел вниманием Лейбер и научную фантастику. «Серебряные яйцеглавы», «Зеленое тысячелетие», «Пришелец» и сегодня читаются с огромным интересом благодаря сочетанию оригинальных идей и метких сатирических наблюдений.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Fritz Leiber, 1941, 1949, 1953, 1961, 1967

© Перевод. И.Г. Почталин, 2017

© Перевод. К.С. Егорова, 2017

© Перевод. К.М. Королев, 2017

© Перевод. В.И. Баканов, 2017



Школа перевода В. Баканова, 2017

ISBN 978-5-17-103451-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ

Гаспар де ла Ньюи, писатель-поденщик, с рассеянной нежностью провел замшей по бронзовой станине своей гигантской словомельницы. Взгляд его привычно скользнул по огромной, высотой с двухэтажный дом, панели электронной машины, по рядам сигнальных лампочек (все выключены) и приборных шкал (все стрелки на нуле). Затем он зевнул и потер шею.

Он скоротал ночное дежурство, подремывая, попивая кофе, дочитывая «Греховодников с астероида» и «Каждый сам себе философ». Более спокойной творческой смены нельзя было и пожелать.

Он бросил замшу в ящик своего выдавшего виды стола и, критически поглядывая на себя в зеркальце, пригладил темные волнистые волосы, расположил пышными складками огромный черный шелковый галстук и тщательно застегнул обшитые тесьмой карманы черной бархатной куртки.

Затем он энергичной походкой направился к табельным часам и отметил время своего ухода с работы. Его сменщик опаздывал уже на целых двадцать секунд, но ему-то что за дело? Пусть голова болит у дисциплинарной комиссии.

В дверях огромного зала, где размещались словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс», Гаспар остановился, пропуская первую утреннюю группу восторженных экскурсантов. Их сопровождал Джо Вах-

тер, сутулый старикашка с вечно слезящимися от пьянства глазами, который почти не уступал писателям в искусстве спать при исполнении служебных обязанностей. Гаспар был доволен, что сегодня ему не придется выслушивать идиотские вопросы («Скажите, мистер писатель, откуда вы берете идеи для своих словомельниц?») и ловить на себе взгляды, исполненные нездорового любопытства (широкая публика свято верила, будто писатели порочны до мозга костей, что было несомненным преувеличением). Особенно приятно было ускользнуть от назойливой дотошности весьма неприятной пары, облаченной в ансамбль «отец с сыном на прогулке», — папаша явно принадлежал к суетливым всезнайкам, а на лице сынка застыло выражение плаксивой скуки. Только бы Джо хоть немного протрезвел, подумал Гаспар, и не дал мальчишке ковыряться в машине!

Однако появление экскурсантов обязывало, и Гаспар извлек из кармана огромную пенковую трубку янтарного цвета, откинул крышечку из серебряной филиграни и набил трубку табаком, который достал из расшитого золотом кисета тюленьей кожи. Прodelывая все это, Гаспар чуть-чуть насупился. Только эта чудовищная трубка да еще предписанный контрактом дурацкий костюм и омрачали для него прелести писательского ремесла. Увы, издатели требовали неукоснительного соблюдения всех пунктов контракта до единого с такой же настойчивостью, с какой они заставляли писателей отсиживать полную смену независимо от того, были включены их словомельницы или нет.

А впрочем, подумал Гаспар, улыбнувшись, не за горами время, когда он станет писателем-разрядником с правом носить джинсы и свитеры, коротко стричься и курить сигареты у всех на виду. Да и сейчас он, как писатель-поденщик, находился в гораздо лучшем положении, чем лите-

раторы-подмастерья, которые вынуждены расхаживать в греческих туниках, римских тогах, монашеских рясах или в расшитых золотом кафтанах. А одного беднягу втравили в контракт, обязавший его наряжаться древним вавилонянином и повсюду таскать за собой три каменные плиты, деревянный молоток и зубило. Конечно, публика ждет от писателя создания достоверной атмосферы, но всему есть предел.

В общем, однако, писатели вели столь приятное и даже роскошное существование, что Гаспар не понимал, почему в последнее время такое множество разрядников и поденщиков взяло за обыкновение жаловаться на судьбу, поносить издателей и тешить себя иллюзией, будто каждый из них мог бы создать произведение неизмеримой глубины и силы, только бы ему дали такую возможность. Многие из них открыто ненавидели свои словомельницы, что, по мнению Гаспара, было пределом святотатства. Даже Элоиза Ибсен, подруга Гаспара, завела привычку уходить по ночам на какие-то тайные митинги протеста (о которых Гаспар даже слышать не хотел), вместо того чтобы мирно спать, ожидая его возвращения с ночной смены.

При мысли об Элоизе Гаспар вновь слегка насупился. Предписанные контрактом два часа в объятиях даже с писательницей высшего разряда казались ему чересчур долгими, чтобы не сказать утомительными. Вполне хватило бы и одного часа.

— Это писатель, сынок!

Ну конечно, это «отец с сыном на прогулке» — папаша излишне громким шепотом отвечает на вопрос своего отпрыска. Гаспар сделал вид, будто не заметил, с каким праведным негодованием было произнесено название его профессии, и прошел мимо экскурсантов с порочной ухмылкой на лице. Что поделаешь! Контракт есть контракт, к тому же предстоящие два часа блаженства были все-таки

компромиссом между одним часом, который предлагал он, и тремя часами, которых требовала Элоиза.

На Читательской улице (Нью-Анджелес, Калифорния), где располагались все англоязычные издательства Солнечной системы, Гаспар, к своему удивлению, совсем не увидел людей (неужто вся дневная смена проспала?). Зато повсюду толпились зловещего вида роботы — нескладные металлические существа семи футов в высоту с единственным, как у циклопа, видеоглазом во лбу и маленькими репродукторами вместо рта — для переговоров с людьми (между собой роботы предпочитали общаться без посредства звуков — напрямую принимая короткие радиоволны или просто соприкасаясь металлическими корпусами).

Тут Гаспар воспрянул духом, заметив знакомого робота. Синевато-стальной, массивный, но стройный, он выделялся на фоне своих неполированных собратьев, как скаковой конь среди першеронов.

— Привет, Зейн! — радостно воскликнул писатель. — Что происходит?

— Привет, Гаспар, — ответил робот, подходя к нему, и, снизив громкость, продолжал: — Не знаю. Эти чудища не хотят со мной разговаривать. Явные подонки, которых наняли издатели. Наверное, снова забастовали транспортники, и они опасаются, как бы не вышла заминка с вывозом готовой продукции.

— Ну так нас это не касается! — беззаботно заявил Гаспар. — Все трудишься с утра до вечера, старый металлолом?

— На полную катушку, старая отбивная, — в тон ему ответил робот. — А зарабатываю жалкую пару амперчасов, едва хватает подзарядиться.

Гаспар дружески улыбнулся, слушая добродушное гудение робота. Ему нравилось иметь дело с роботами, осо-

бенно с Зейном, давним его приятелем, хотя большинство людей косо смотрело на такое панибратство с врагами рода человеческого (как они в частных разговорах называли роботов), а Элоиза как-то во время ссоры даже назвала Гаспара «грязным роболобом».

Возможно, эта симпатия к роботам была следствием его любви к словомельницам, однако Гаспар никогда не пытался анализировать свои чувства. Его просто влекло к роботам, и ему был противен антироботизм во всех его проявлениях. Какого черта, думал он про себя, роботы же — отличные ребята!

А Зейн Горт выделялся даже среди своих металлических собратьев. Зейн был вольным роботом и зарабатывал на зарядку сочинением приключенческих повестей для Других роботов; он прекрасно знал жизнь, обладал большим запасом доброты и любые невзгоды встречал с «двойной закалкой» (что у роботов было синонимом мужественности). И вообще был подлинным интеллигентом — одним на миллион.

— До меня дошли слухи, Гаспар, — продолжал Зейн Горт, — будто вы, писатели-люди, замышляете забастовку или что-то еще более отчаянное.

— Не верь! — заявил Гаспар. — Элоиза бы мне об этом сказала.

— Рад слышать, — вежливо согласился Зейн с легким рокотом, в котором звучало сомнение. Внезапно между его лбом и поднятой правой клешней проскочил сильный электрический разряд. Гаспар невольно попятился.

— Извини, Гаспар, — сказал робот, — мне надо бежать. Вот уже битых четыре часа я ломаю голову над своей новой повестью. Доктор Вольфрам попал у меня в такую передрагу, что мне никак не удавалось его выручить. И вот только что меня осенило. Пока!

И он исчез из виду, словно голубая молния.

Гаспар неторопливо пошел дальше, стараясь представить себе, что значит четыре часа ломать голову над повестью. Разумеется, и у словомельницы бывают перебои — например, короткое замыкание, — но это, видимо, не совсем то же самое. Может, это ощущение напоминает то, которое возникает, когда удается решить шахматную задачу? Или это больше похоже на те душевные конфликты, которые мучили людей (и даже писателей!) в недобрые старые времена, когда еще не было ни гипнотерапии, ни гипертранквилизаторов, ни неутомимых роботов-психиатров?

Но в таком случае на что похожи эти душевные конфликты? Право, иногда Гаспару казалось, что его жизнь уж слишком спокойна, слишком животво-безмятежна даже для писателя-профессионала.

2

Гаспар приблизился к большому книжному киоску, которым оканчивалась Читательская улица, и его туманные размышления разом оборвались. Витрины киоска сверкали и переливались, словно рождественская елка, и Гаспар вдруг почувствовал себя шестилетним ребенком, которого неожиданно навестил Дед Мороз.

За истекшие двести лет вид книжных страниц почти не изменился — все тот же черный шрифт на светлом фоне, — зато обложки преобразились поистине волшебным образом. Все то, что в середине XX века едва лишь намечалось, теперь пошло в рост и достигло пышного цветения. Стереопечать и четырехступенчатая репродукция позволили соблазнительным миниатюрным девицам на обложке проделывать нескончаемый стриптиз или появляться на фоне освещенных окон в прозрачных пеньюарах. Плотно ухмылялись монстры и гангстеры, мудро и проникновенно гля-

дели философы и министры. Падали трупы, рушились мосты, ураганы выворачивали деревья, космические корабли стремительно уносились в звездную бесконечность поперек обложки в пять на пять дюймов.

Воздействию подвергались все органы чувств. Уши пленяла тихая музыка, чарующая, как пение сирен, пронизанная отзвуками томных поцелуев, щелканьем плеток, приглушенным треском автоматных очередей и дальним грохотом ядерных взрывов. Ноздри Гаспара улавливали запахи жареных индеек, лесных костров, сосновых игл, апельсиновых рощ, порохового дыма, марихуаны, мускуса и всемирно известных духов вроде «Фер-де-Ланс» и «Туманность № 5». И он знал, что стоит ему коснуться любой обложки, и он ощутит под пальцами фактуру бархата, или норки, или лепестков розы, или сафьяна, или полированного клена, или старинной бронзы, или венецианской морской пробки, или теплой женской кожи.

Приближаясь к гроздьям книг, которые и правда были подвешены, точно игрушки на пушистой елке (исключение составляли строгие полочки с роликами робокнигофильмов), Гаспар все более замедлял и без того неторопливые шаги, желая продлить предвкушаемое удовольствие.

В отличие от большинства своих коллег, Гаспар де ла Ньюи любил читать книги, и особенно гипнотические творения словомельниц, иногда именовавшиеся словопомолом, — с теплыми розовыми облаками прилагательных, с глаголами действия, могучими, как ураган, с объемными четырехмерными существительными и соединительными союзами, прочными, как электросварка.

И в этот момент он предвкушал целых два удовольствия: выбор новой повести на сегодняшний вечер и возможность в очередной раз увидеть на прилавке свою первую книгу — «Пароль страсти», замечательную главным образом обложкой, на которой девица снимала с себя одну

за другой семь разноцветных юбочек, — по порядку цветов спектра. На заднике обложки был напечатан его собственный стереопортрет, в смокинге, который строго гармонировал с фоном викторианской гостиной, — Гаспар склонился над хрупкой очаровательной девушкой, чья прическа была нашпигована шляпными заколками длиной в добрый фут, а лиф был весьма завлекательно расстегнут почти на три четверти. Ниже шла подпись: «Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего шедевра». А еще ниже, мелким шрифтом: «Гаспар де ла Ньюи мыл посуду в парижских ресторанах, работал стюардом на космическом лайнере, был ассистентом в подпольном абортарии (по заданию уголовной полиции), шофером такси на Монмартре, камердинером виконта, чьи предки участвовали в крестовых походах, лесорубом в сосновых лесах Французской Канады, изучал межпланетные законы о разводах в Сорбонне, проповедовал гугенотство среди черных марсиан и служил тапером в публичном доме. Принимая мескалин, он мысленно перевоплощался в пятерых знаменитых французских сводников и воссоздал для себя все перипетии их бесславной карьеры. Он провел три года в психиатрической лечебнице, где дважды пытался избить медсестру до смерти. Великолепный аквалангист, он продолжил на Венере бессмертные традиции своего соотечественника капитана Кусто и стал свидетелем подводных оргий венецианских русалок. Гаспар де ла Ньюи создал свой «Пароль страсти» за два с третью дня на новейшей словомельнице «Реактивный Словотвор», снабженной инжектором плавных наречий и пятисекундных душераздирающих пауз. Он отдал роман на машине «Суперлакировщик» фирмы Симон. За «выдающийся вклад в технологию упаковки слов» де ла Ньюи удостоен премии Совета Издателей — трехдневной экскурсии по притонам Старого Манхэттена. В настоящее время Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего

нового романа, который, как он сообщил нам, будет называться «Греша, греша».

Весь этот текст Гаспар знал наизусть. Знал он также, что в нем не было ни слова правды, если не считать упоминания, что он смолол роман за семь смен. Гаспар ни разу не покидал Земли, не посещал Парижа, не занимался никаким видом спорта утомительнее пинг-понга, не занимал должности экзотичнее, чем должность клерка, и не страдал даже обыкновенным репортерским неврозом. А «собрание материалов для шедевра» запомнилось ему в основном ослепительными лучами стереопроекторов и жалобами его партнерши по съемкам на то, что от него разит дешевым табаком. На него она даже не смотрела и кокетничала с фотографом. Впрочем, подумал Гаспар, с него вполне достаточно и Элоизы.

Но хоть аннотация была набором лжи, а ее текст Гаспар знал наизусть, ему все-таки было приятно остановиться у прилавка и перечитать ее еще раз, вновь смакуя все подробности такой отвратительно-лестной биографии.

Гаспар протянул было руку к переливающейся красками книге (девица на обложке как раз принималась за свою последнюю, фиолетовую, юбку), как вдруг откуда-то сбоку взметнулась багровая, ревущая, смрадная струя пламени и в мгновение ока испепелила миниатюрный мирок раздевающейся куколки. Гаспар отпрянул, весь еще во власти чудесного видения, хотя оно уже обратилось в кошмар. За три секунды восхитительная книжная елочка превратилась в обугленный скелет. Струя огня погасла — и раздался злорадный хохот. Гаспар узнал это меццо-сопрано.

— Элоиза! — воскликнул он, не веря своим ушам. Но перед ним действительно стояла его подруга. Крупные черты ее лица были искажены дьявольским ликованием, черные волосы разметались, как у вакханки, мощная грудь

I

Фил Гиш проснулся в отличном расположении духа. Как будто вся его прежняя жизнь случилась с двумя другими людьми — ах, несчастные бедолаги!

Если прежде молниеносные рефлексy заставляли его вскакивать в кровати как штык, натягивать шорты с носками и тут же лихорадочно искать взглядом банку крема для растворения бороды, то на сей раз он каким-то чудом обхитрил в себе внутреннего тирана и сумел несколько минут полежать с закрытыми глазами, наслаждаясь новыми удивительными ощущениями. Не хотелось делить их даже со стенами холостяцкой каморки, завешанными рекламными плакатами.

Да это же просто чудо что такое, решил он через некоторое время. Самое настоящее, возмутительно невероятное чудо!

Ему даже показалось, что он живет в каком-то другом мире, а не в этом, где вот уже пятьдесят лет горячие и холодные войны непредсказуемо сменяют друг друга, точно вода в неисправном кране, где Соединенными Штатами Америки заправляют Федеральное бюро лояльности и «Корпорация удовольствий» в лице вечно пьяного фермера и любителя песнопений — президента Роберта Т. Барнса, — и где, согласно кремлевскому Новостному спутнику, расположенному на орбите Земли, разрабатывается новый план по обмену потомками во-

еннопленных Корейской войны (отгремевшей, между прочим, полвека назад). Куда-то подевался даже сам Фил Гиш, неудачник, принявший с утра четыре пилюли снотворного, чтобы скоротать время во сне и не думать о потерянной работе, которую теперь в пять раз быстрее и в два раза точнее выполнял робот. Фил как будто и не взрывался по этому поводу — а равнодушное начальство не отправляло его к психиатру.

Он с удовольствием сделал глубокий вдох — воздух словно приправили золотистой пылью, отменяющей все заботы и печали.

Фил Гиш открыл глаза и посмотрел на свою впалую бледную грудь с двумя волосинами — последним язвительным приветом из той дикой эпохи, когда тело человека-обезьяны украшали густые заросли. Однако теперь на ум пришло слово «стройный», а не «тощий». Собственное тело даже понравилось Филу: компактный и аккуратный кусок плоти. Он зевнул, потянулся, почесал грудь в том месте, где росли две волосины, посмотрел по сторонам. На подоконнике большого круглого окна сидел и улыбался зеленый кот.

— Это сон, что ли?

Звук собственного голоса с намеком на утренний сип послужил ответом на этот вопрос.

Или у меня окончательно шарики за ролики заехали? Второй вопрос, хоть и не заданный вслух, был стремительно изгнан из головы. Слишком уж хороша жизнь, нечего терзаться! А пусть и безумие — гип-гип ура параноией!

Да и нетривиальный окрас кота вполне можно объяснить. Не далее как вчера Фил видел на улице молодую даму с двумя розовыми пуделями. Заметив под ее плащом намек на платье с открытой грудью, он подошел ближе и услышал, как она заверяет своего спутника: «Они не крашенные, дурачок! Они — мутанты!»

И потом, существуют ведь от природы зеленые звери — трехпалый ленивец, например? Только вот зеленоватый оттенок шерсти ленивца придает не то грибок, не то плесень, а никакой плесени на этом лошенок дружелюбном клубочке нет и в помине.

— Ну здравствуй, Везунчик, — тихо произнес Фил. С первого взгляда на кота он понял, что зверек ассоциируется у него с новым неизъяснимым чувством внутреннего благополучия. Если в его жизни наступает новая эра, неглупо будет придумать для нее символ — символ зеленый, как сама весна. Да и кличка подходящая...

— Ко мне, Везунчик! — позвал Фил кота, не поднимая головы с поролоновой подушки. — Кис-кис!

Второе приглашение, сразу показавшееся Филу немного глупым, было лишним. Кот скинул с подоконника свое пухлое тельце и потрусил к Филу, словно маленькая лошадка на мягких копытах. Фил сразу ощутил небывалый, почти пугающий душевный подъем. Кот на секунду скрылся за краем кровати и тут же вынырнул оттуда, положив на одеяло крошечные зеленые лапки. Два медных глаза внимательно изучали Филадельфию.

— Как дела, дружок? — спросил он. — Рад знакомству. Ты отличный парень, я смотрю. Откуда ты взялся?

Кот поднял мордочку.

— Сверху? — уточнил Фил и тут же посмеялся над своей попыткой истолковать жест кота. — Погостишь у меня немного? Ты классно выглядишь, и цвет мне очень нравится. Я сам иногда мечтаю стать зеленым. Просто для разнообразия.

Морда у кота была странная и на диво приятная. Большие уши, высокий лоб, мохнатый нос, почти невидимые усики и рот такой формы, словно Везунчик надул губы или хотел кого-то поцеловать. На миг Филу пришла странная мысль: если застать этого зверька врасплох, он будет

выглядеть совсем иначе и куда меньше напоминать кота. И он действительно был зеленый — цвета зеленой медной патины, только ярче.

Почему-то Фил не сомневался, что перед ним именно кот, а не кошка, хотя в его толстом брюшке вполне могли быть котята.

Тут Везунчик опять улыбнулся, и все мысли покинули голову Фила, остались лишь чувства. Он с опаской протянул руку, отдернул ее, когда кот тоже выкинул вперед лапу, устыдился и вновь протянул руку. Шелковистая лапка коснулась его среднего пальца. Фил ее погладил. Ни намека на когти: видно, они были запрятаны глубоко в мягкие ножны.

— Вот и подружился, — хрипло проговорил Фил.

Кот бесстрашно запрыгнул на кровать. Медные глаза приблизились, и пушистая щека потерлась о его щеку — непринужденно и по-мужски добродушно. Глаза Фила вдруг наполнились слезами, но через край вода не потекла.

Какой же ты никчемный одинокий болван, сказал он себе, если плачешь при виде кота. И ведь правда: собственная жизнь теперь представлялась ему выцветающей картинкой. Хотя родители поначалу казались Филу теплыми и чудесными, потом он начал чувствовать их серую неопределенность и тоску. Школа в какой-то момент сулила так много — открывала бесконечные горизонты знаний и идиллического духовного братства, однако слишком часто эти горизонты внезапно заканчивались знаками «проход запрещен», «подрывная деятельность» или совсем уж сводящими с ума пустыми табличками предумышленной тишины (например, человечество пообещало себе в ближайшее время добраться до других планет, но все никак не добиралось). Было время, когда Фил обзавелся настоящими друзьями и даже влюблялся в девушек, но и это в конечном счете потеряло всю прелесть. А потом... бесконеч-

ная череда работ, которые снова и снова отнимали у него работы в белых воротничках. Начиная с робота-сортировщика — тот безупречно раскладывал письма по нужным отсекам благодаря фотоэлектрическому сканированию адресов. Похоже, единственное, чего еще не умели делать роботы, это сидеть в окопах. Здесь механических конкурентов у Фила пока не было.

Да, жизнь пуста и бессмысленна, сказал себе Фил и тут же удивился, почему даже эта мысль не омрачает его неожиданное счастье.

А потом он очнулся от короткого забытья и обнаружил, что кот шагает по кровати, внимательно изучая его голое тело.

— Эй, мы, конечно, друзья, но это уже слишком! Бесстыдник!

Фил с хохотом выскочил из постели, схватил со стула легкий халат, накинул его, вздрогнув всем телом, насвистел «Поцелуй в невесомости» и станцевал шаффл, отчего к нему тут же захотелось цапнуть его за ноги.

— Нет, откуда ты все-таки взялся, Везунчик? — повторил Фил. В три шага добравшись до окна, он посмотрел на почти пустой пузырек со снотворным, и на миг в его душу закралось жуткое подозрение: а может, эти резкие перемены в мировосприятии связаны с утренней передозировкой? В конце концов, кота нормальным не назовешь (как и галлюцинации!), а это безумное неизъяснимое счастье очень похоже на внутреннее состояние божественной безупречности, в которое рано или поздно погружается любой параноик.

Тут Филу представилось весьма необычное зрелище, настроение вновь изменилось, и он выбросил из головы неприятные мысли.

Окно выходило в узкий внутренний двор переоборудованной исполинской гостиницы, в которой Фил сейчас

снимал комнату. Рискнув жизнью и посильнее высунувшись из окна, он мог краешком глаза увидеть улицу, угол залепленного рекламой Дворца единоборств, принадлежавшего «Корпорации удовольствий», и вертолетную площадку на его крыше. Изначально гостиница должна была стать роскошным дворцом для богачей, сколотивших состояние на войне 1970-х, однако из-за дефицита жилья в 1980-х ее просторные номера поделили на крошечные спальные отсеки. Кое-что, впрочем, осталось от бывшего великолепия, например, большие круглые окна из двух слоев поляризационного стекла. Внутреннее стекло можно было крутить, таким образом слегка затеняя окно либо делая его совершенно черным. Еще одна необычная роскошь заключалась в том, что окна по-настоящему открывались. Сегодня, когда климатические системы в здании почти полностью вышли из строя, этой последней возможностью пользовались гораздо чаще, чем следовало ожидать, хотя днем большинство окон все же были закрыты.

Раньше Филу казалось, что эта серая стена с рядами черных зловещих бойниц в десяти футах от его окна — самое мрачное зрелище на свете, символ его вечной отчужденности и неприкаянности. Но сейчас, стоя у окна и касаясь короткими волосами закопченной круглой рамы, он чувствовал, что может мысленно проникнуть сквозь эту стену, словно она сделана из материала, проводящего чувства, — как медь проводит электричество. Он не видел, а скорее *чувствовал* сквозь нее все многочисленные текстуры теплых, жалких, восхитительных, нелепых людских душ, живших в этих отсеках: на две пятых счастливых, на девять десятых несчастных, лелеющих свои страхи и разочарования, потому что человеку положено что-то лелеять, или наоборот, выковавших из своих страхов и разочарований крепкую броню. Вот старик рассеянно перекладывает замызганные продуктовые карточки времен трех ком-